

ШЕДЕВРЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА

ЭЛМИС ПИТЕРС

СТРАСТИ
ПО
МОЩАМ

РИПОЛ КЛАССИК

Хроники брата Кадфаэля

Эллис Питерс

Страсти по мощам

«РИПОЛ Классик»

1977

УДК 82-32
ББК 84(4Вел)

Питерс Э.

Страсти по мощам / Э. Питерс — «РИПОЛ Классик»,
1977 — (Хроники брата Кадфаэля)

ISBN 978-5-386-12863-0

Детективный роман английской писательницы Эллис Питерс (1913–1995), в котором монах брат Кадфаэль, сыщик-любитель, расследует загадочное убийство, совершенное при перенесении мощей уэльской мученицы Уинифред.

УДК 82-32
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-386-12863-0

© Питерс Э., 1977
© РИПОЛ Классик, 1977

Содержание

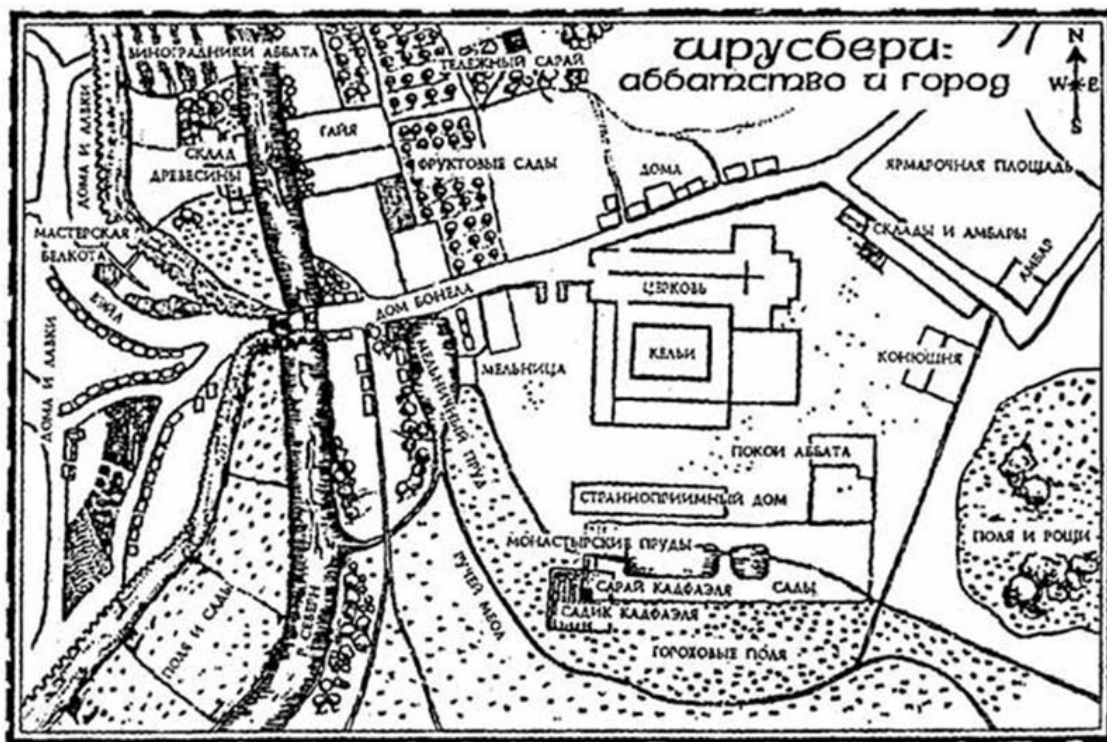
Глава первая	6
Глава вторая	18
Глава третья	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Эллис Питерс Страсти по мощам

© Storyside. 2021

© Волковский В. Э., наследники, перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2021

Глава первая

В то погожее, солнечное утро в начале мая, когда, можно сказать, и началась невероятная история, связанная с гвистеринскими реликвиями, брат Кадфаэль поднялся задолго до заутрени, чтобы, прежде чем займется день, успеть высадить капустную рассаду, и если о чем и помышлял, то только о зарождении жизни, росте и плодородии, а уж никак не о мощах и гробницах и тем паче не о насильственной смерти, кого бы она ни постигла – святого, грешника или обычного человека, далекого от совершенства, вроде него самого. Ничто не нарушало его благодушного настроения, кроме разве что необходимости идти к заутрене да предстоявшего после молитвы собрания капитула, которое должно было продолжаться полчаса, но вечно затягивалось минут на десять дольше положенного. Все это время он с куда большим проком мог провести здесь, на грядках, однако уклониться от выполнения рутинных обязанностей не было возможности. И в конце концов, тому, кто по доброй воле избрал монашескую стезю, едва ли пристало пенять на некоторые, возможно не самые привлекательные, стороны монастырской жизни, особенно если в целом она его вполне устраивает и дает чувство несомненного удовлетворения – такое, с каким он сейчас разогнул спину и огляделся по сторонам.

Кадфаэль полагал, что вряд ли в какой другой бенедиктинской обители сыщется лучше ухоженный садик, в котором произрастало бы такое разнообразие душистых трав, как пригодных на приправы к столу, так и неоценимых при приготовлении целебных снадобий. Главные уголья Шрусберийского аббатства Святых Петра и Павла, в том числе и сады, раскинулись к северу от дороги, за пределами монастырских стен. Но здесь, внутри обители, в маленьком огороженном садике неподалеку от аббатских рыбных прудов и ручья, приводившего в действие колесо монастырской мельницы, брат Кадфаэль властвовал безраздельно. Гербариум – садик, где выращивались травы, был предметом его особой гордости, ибо он пестовал его в неустанных трудах в течение полутора десятков лет. Семена многих редкостных растений Кадфаэль вывез из таких далеких краев, как Венеция, Кипр и Святая земля. Ибо брат Кадфаэль обосновался в обители после долгих странствий, подобно тому как потрепанный бурями корабль обретает наконец тихую гавань. Уж он-то хорошо помнил, как в первые годы его монашества послушники и служки с любопытством тарасились на новичка и восхищенно перешептывались: «Ты только взгляни на брата, что работает в саду. Вон тот плотный малый, ходит вразвалку, точно матрос. Представь себе, в молодости он побывал в Крестовом походе, штурмовал Антиохию под началом Годфрида Бульонского, а когда побережье Святой земли перешло под власть иерусалимского короля, стал капитаном и десять лет гонялся по морям за разбойниками. С трудом верится, правда?»

Однако сам брат Кадфаэль не видел ничего странного в своей богатой событиями жизни: он ничего не забыл и ни о чем не жалел. Не находил он противоречия и в том, что некогда искал упоения в битвах и скитаниях, а ныне искренне наслаждался безмятежной жизнью в обители; правда, и здесь на его долю порой выпадали кое-какие приключения, скрашивавшие однообразное и монотонное существование. Однако он дорожил обретенным покоем: воистину, для корабля, уставшего от житейских штормов, лучшей пристани не сыскать.

Возможно, что глазевшие на него юнцы поговаривали и о том, что коли человек вел такую бурную жизнь, то ему, верно, доводилось знать и женщин, причем навряд ли он соблюдал целомудрие. Ничего не скажешь – с эдаким прошлым, да и в монахи!

В том, что касалось женщин, досужие языки были правы. Он вспомнил о своей юношеской любви к Ричильдис, с которой был тайно помолвлен и которая десять лет тщетно дожидалась его возвращения и в конце концов вышла замуж за солидного ремесленника с хорошими видами на будущее, не имевшего склонности убежать неведомо куда да махать мечом. Да, он знал женщин в разных краях. Он помнил Бьянку, черпавшую воду из каменного колодца в

Венеции, лодчицу-гречанку Арианну, сарацинку Мариам, вдову, торговавшую пряностями в Антиохии, которая сочла его достойным на какое-то время заменить ей умершего мужа. Бывали и мимолетные свидания, и серьезные увлечения, но, когда приходила пора прощания, ни у кого не оставалось горького чувства. Кадфаэль не отрекался от своего прошлого, считая, что именно оно позволило ему по достоинству оценить все преимущества созерцательной жизни в обители и научило терпению и умению уживаться с неискушенными душами, с юности, не изведав мирских соблазнов, облачившимися в черные бенедиктинские рясы. Он ушел на покой вовремя. Для человека, немало повидавшего на своем веку, трудно найти лучшее занятие, чем возделывать монастырский огород, доводя его до совершенства. И он никогда бы не обрел умиротворения в монастырских стенах, когда бы прежняя его жизнь была иной.

Через пять минут ему уже пора заканчивать, мыть руки да отправляться к мессе. В оставшееся время брат Кадфаэль прошелся по своим цветущим, благоухающим владениям, где брат Джон и брат Колумбанус, молодые монахи, принявшие постриг не более года назад, тщательно пропалывали и окапывали грядки. Глянцевые, матовые, маслянистые и бархатистые листья радовали глаз всеми мыслимыми оттенками зеленого цвета. На фоне буйной зелени крохотные сиреневые, бледно-голубые и желтые цветочки, стыдливо укрывшиеся среди листвы, казались неприметными. О них никто не заботился, и весь смысл их существования заключался в том, чтобы давать семена.

Каких только трав не было на грядках – здесь росли рута, розмарин, шалфей, воробейник, имбирь, мята, тимьян, водосбор, трава милосердия, а также горчица, укроп, пижма, базилик, петрушка, кервель и майоран. Кадфаэль познакомил своих помощников со свойствами даже самых редкостных растений и рассказал им, сколь опасным может быть неверное употребление приготовленных из них снадобий, ибо целебная сила трав зависит от правильной пропорции, а при неумелом использовании лучшее лекарство может оказаться ядом. Теснившиеся на грядках травы выглядели по большей части скромно и привлекали внимание лишь сладостным ароматом, который источали под лучами солнца. Однако были и иные – кичливые пионы, выращиваемые ради их пряных семян, и надменные, почти в человеческий рост, маки с бледными листьями и плотными бутонами, сквозь которые уже пробивались белоснежные и пурпурно-черные лепестки. Давным-давно Кадфаэль вывез их семена с восточного побережья Средиземного моря и много лет взращивал их, отбирая лучшие из лучших в своем собственном саду, прежде чем перенес отборнейшие саженцы в гербарий обители. Из них получалось отменное обезболивающее и снотворное средство. Ибо главные враги человека – боль и бессонница. И ничто не врачует боль лучше, чем благодетельный сон.

Двое молодых монахов в подоткнутых до колен рясах уже распрямляли спины и отряхивали руки, собираясь идти к службе. Брат Колумбанус и себе не позволил бы поступиться хоть малой толикой своих обязанностей, и ни в ком другом не одобрил бы подобного отступничества. Он был миловиден и прекрасно сложен, а гордо посаженная голова и крупные черты лица напоминали о знатном нормандском роде, из которого происходил этот юноша. Он был младшим сыном и ушел в монастырь потому, что не мог унаследовать родовые земли. У него были жесткие, прямые соломенные волосы и большие голубые глаза. Держался он замкнуто и скромно, как будто стараясь скрыть свою недюжинную силу. Товарищам приходилось с ним непросто, ибо, невзирая на свою телесную мощь, Колумбанус был болезненно чувствителен, склонен впадать в уныние и терзаться угрызениями совести. Случались у него даже видения, что трудно было предположить, глядя на его внушительную фигуру. Впрочем, он был молод, исполнен высоких помыслов и имел впереди достаточно времени, чтобы, преодолев все страхи и сомнения, прийти к душевному миру. Колумбанус помогал брату Кадфаэлю уже несколько месяцев, и тот возлагал на него немалые надежды. Молодой монах был деятелен, усерден и едва ли не чрезмерно стремился всем угодить. Возможно, он слишком близко к сердцу принимал долг, налагаемый его знатным происхождением, и опасался, что любой неверный шаг

может нанести урон чести столь достойного семейства. Он считал, вероятно, что тот, кто происходит из высокого нормандского рода, обязан быть первым во всем. Кадфаэль относился к молодому человеку с пониманием и сочувствием – сам-то он принадлежал к старой валлийской семье, никогда не отличавшейся особыми претензиями. Он терпеливо сносил странности Колумбануса и с философским спокойствием лечил юношу, когда тот порой доводил себя до изнеможения в религиозном экстазе. Случалось, что приступы непомерного радения Колумбануса вере Христовой приходилось унимать соком языческих маков.

Слава Богу, что за другим помощником Кадфаэля подобной дури не водилось! Брат Джон был так же прост и практичен, как и его имя. Это был здоровенный курносый парень с венчиком жестких, как проволока, рыжих кудряшек вокруг тонзуры. Его беспрестанно одолевал голод, и все, что росло в саду, интересовало его главным образом с той точки зрения, можно ли это съесть. Наверняка по осени этот малый будет лазить по садам да лакомиться фруктами. Сейчас он охотно помогал Кадфаэлю высаживать ранний латук и с нетерпением поджидал, когда поспеют свежие овощи. Похоже, что крепкий, симпатичный и добродушный брат Джон попал в монастырь по чистому недоразумению и пока еще не осознал, что угодил не туда. Кадфаэль догадывался, что бесшабашному молодцу, не успевшему проявить свою удаль в миру, тесновато в монастырских стенах, а потому был уверен, что в один прекрасный день эта пташка упорхнет из клетки. Впрочем, и в обители Джон ухитрялся находить удовольствие в чем угодно, порой в таких делах, которые трудно посчитать развлечением.

– Мне надо поспеть вовремя, – сказал Джон, оправляя полы рясы и отряхивая ладони, – на этой неделе я читаю жития святых.

А ведь и точно, сейчас его очередь, припомнил Кадфаэль. Для чтения в трапезной брату Джону, как нарочно, подбирали самые скучные и невыразительные отрывки из житий, однако тот восхвалял святых и мучеников с неподдельным рвением, вкладывая в это всю свою душу. Дали бы ему почитать об усекновении главы Иоанна Предтечи, подумал Кадфаэль, небось с таким жаром бы взялся – только и гляди, чтобы стены не рухнули.

– Не забывай, брат, ты читаешь не для себя, а во славу Господа и Его святых, – промолвил Колумбанус с любовным укором и нарочитым смирением. Это напоминание могло с равным успехом означать и то, что Колумбанус вовсе не разбирается в людях, и то, что он может быть изрядным лицемером.

– Эта благочестивая мысль никогда меня не покидает, – с демонстративным пылом отозвался брат Джон, подмигнув Кадфаэлю из-за спины Колумбануса и энергично зашагал по обсаженной кустами тропинке к монастырским воротам и большому двору. Колумбанус и Кадфаэль последовали за ним: один – светловолосый, стройный и гибкий, другой – приземистый и коренастый, грудь колесом, да и ноги тоже.

«Неужто и я был таким же восторженным по молодости лет?» – размышлял Кадфаэль, которому уже стукнуло пятьдесят семь, развалистой походкой моряка поспевая за легкими шагами Колумбануса. Монаху стоило усилий припомнить, что Колумбанусу, в конце концов, уже минуло двадцать пять и он является отпрыском влиятельного и честолюбивого рода, который вряд ли добился бы столь высокого положения благодаря одной лишь добродетели.

Третья месса за день предназначалась не для прихожан, а только для братии и потому была короткой. По ее окончании монахи-бенедиктинцы Шрусберийского аббатства чинной процессией направились из клироса в здание капитула, где каждому было отведено подобающее место. Возглавлял шествие аббат Хериберт, аскетичный, добросердечный и сговорчивый старик, увенчанный благородной сединой, всегда желавший видеть вокруг себя мир и гармонию. Он не обладал внушительной внешностью, но лицо его очаровывало мягкостью и добротой. Даже послушники и ученики чувствовали себя непринужденно в обществе аббата, что, однако, случалось нечасто, ибо впечатляющая фигура приора Роберта надежно ограждала старого пастыря от его паствы.

В жилах приора Роберта Пеннанта смешалась валлийская и английская кровь. Он был высок, более шести футов ростом, изысканно худощав, и, хотя ему минуло лишь пятьдесят, высокое, мраморное чело обрамляли серебристые седины. Во всех центральных графствах Англии не нашлось бы человека, чьему величавому, аристократическому облику более подошла бы митра; впрочем, Роберт и сам прекрасно знал об этом и, как никто другой, стремился доказать это при первой возможности. И сейчас он шествовал через зал капитула торжественной поступью, достойной самого Папы.

Следом шел брат Ричард, субприор, являвший собой полную противоположность Роберту. Неизменно приветливый, добродушный увалень, Ричард был отнюдь не глуп, хотя и слыл среди братии тугодумом. Представлялось маловероятным, чтобы он заполучил место приора, если Роберт освободит его, ибо на этот пост зарилось немало молодых, предприимчивых и честолюбивых монахов, мечтавших о продвижении и готовых на многое, дабы его достичь.

За Ричардом, в строгом соответствии с саном, проследовали остальные братья: брат Бенедикт, ризничий, брат Матфей, келарь, брат Дэнис, попечитель странноприимного дома, брат Эдмунд, ведавший лазаретом, брат Освальд, раздатчик милостыни, личный писец приора брат Жером и наставник послушников брат Павел, а уж за ними в немалом числе потянулись и простые монахи. Брат Кадфаэль появился в зале в последних рядах и тут же укрылся в давно облюбованном им укромном уголке, за одной из каменных колонн. Он не занимал никаких официальных постов, от которых одна морока, а потому ему нечасто случалось выступать на собраниях капитула, где обсуждались текущие дела обители. Когда на рассмотрение выносились рутинные, скучные вопросы, брат Кадфаэль имел обыкновение использовать это время с немалой для себя пользой. Он попросту спал, причем наострился дремать не клюя носом, а поскольку сидел в темном углу, уличить его в нерадении не было ни малейшей возможности. Кадфаэль обладал особым чутьем, которое позволяло ему с невинным видом мгновенно пробуждаться в случае необходимости. Более того, если его о чем-то спрашивали, он тут же отвечал, так что никому и в голову не приходило, что в тот момент, когда прозвучал вопрос, он еще мирно спал.

В это майское утро Кадфаэль не торопился засыпать. Он не без удовольствия слушал, как брат Джон с упоением живописует ничем не примечательное житие какого-то малоизвестного святого, день которого приходился на завтра. Однако когда брат келарь принялся растолковывать подробности одного запутанного дела, касавшегося средств, завещанных частично монастырскому лазарету, а частично пожертвованных на алтарь Пресвятой Девы, Кадфаэль преспокойно погрузился в дрему. Он прекрасно знал, что, после того как капитул разберется с парочкой проштрафившихся братьев, все оставшееся время будет посвящено обсуждению затеи приора Роберта, который считал, что обители необходимо заполучить мощи какого-нибудь святого и тем самым обрести могущественного небесного покровителя. Последние несколько месяцев на собраниях капитула речь в основном шла только об этом. Должно быть, подобная мысль засела в голове приора с тех пор, как монахи Ключийского монастыря в Уэнлоке раззвонили на весь свет о том, что нашли могилу святой Мильбурги, некогда основавшей их обитель, и торжественно установили святые мощи в алтаре монастырской церкви. До чего же обидно: соседний приорат, всего в нескольких милях от Шрусбери, может теперь похвастаться собственными чудотворными реликвиями, тогда как прославленная бенедиктинская обитель Святых Петра и Павла так и не обзавелась святыней и осталась пустой, точно ограбленная церковная кружка! Такого посрамления приор Роберт пережить не мог. По меньшей мере в течение года он рыскал по соседним землям в поисках захоронения святого, которого еще никто не прибрал к рукам. С особой надеждой приор поглядывал в сторону Уэльса, где, как известно, в прежние времена святых мужского и женского пола встречалось что грибов по

осени, на каждом шагу, и потому никто не обращал на них особого внимания. У брата Кадфаэля не было охоты в очередной раз выслушивать сетования Роберта. Он спал.

... От раскалившихся на солнце белесых скал тянуло жаром. В воздухе висела сухая пыль, от которой першило в горле. Из укрытия, где он и его товарищи по оружию сидели согнувшись в три погибели, был виден длинный гребень стены, над которым в палящих солнечных лучах сверкали стальные шлемы стражников. Его окружали глубокие расщелины и отвесные утесы, словно сотворенные из камня и пламени, – ни свежий листок, ни зеленая былинка не оживляли суровый ландшафт. А впереди, в кольце белокаменных стен, увенчанных башнями и куполами, высился священный град Иерусалим – цель его многолетних странствий. У самых ворот завязалась схватка, но картина сражения была скрыта поднятыми клубами пыли, и о ходе стычки можно было судить лишь по хриплым выкрикам и лязгу стали. Он ждал, когда труба подаст сигнал к решающему штурму, а пока надежно притаился в укрытии, ибо не понаслышке знал, как метко разит стрела, пущенная из короткого, тугого сарацинского лука. Вот уже поднялись и заколыхались на обжигающем ветру боевые знамена, блеснула на солнце сигнальная труба – еще миг, и она позовет на приступ...

Звук, который буквально вырвал Кадфаэля из дремоты, был достаточно громким, но все же это не был бронзовый голос трубы, какой он слышал в день победного штурма Иерусалима. Монах снова оказался на своем месте, в темном закутке зала капитула. Он моментально вскочил на ноги вместе со всей всполошившейся, перепуганной братией. Разбудивший его пронзительный вопль сменился чередой прерывистых стонов и выкриков, свидетельствовавших о жестокой боли или о крайнем возбуждении. На открытом пространстве посреди зала, точно выброшенная на берег рыба, извивался упавший ничком брат Колумбанус. Он бился лбом и ладонями о каменные плиты пола и дергался в конвульсиях, издавая хриплые крики. Ряса его задралась выше колен, обнажив длинные белые ноги. Растерянные монахи беспомощно топтались вокруг, а приор Роберт, воздев руки, громогласно призывал на помощь.

Брат Кадфаэль и ведавший лазаретом брат Эдмунд успели к Колумбанусу одновременно. Опустившись на колени по обе стороны бившегося в припадке брата, они крепко схватили его и удерживали, чтобы несчастный не размозжил голову о каменный пол или не вывихнул суставы.

– Падучая болезнь! – определил брат Эдмунд и засунул в рот Колумбанусу конец толстой веревки, которой была подпоясана его ряса, чтобы тот не прикусил себе язык. Брат Кадфаэль, однако, не был уверен в том, что недуг определен верно, ибо звуки, которые издавал Колумбанус, походили скорее на вопли истеричных кликуш. Благодаря тому что Кадфаэль и Эдмунд удерживали больного, конвульсии несколько поутихли, но стоило монахам ослабить хватку, как они возобновились с новой силой.

– Несчастный юноша! – взволнованно произнес аббат Хериберт. – Какой неожиданный и жестокий припадок. Ради Бога, обращайтесь с ним бережно. Его надо отнести в лазарет, а мы, братья, будем молиться о его исцелении.

На этом собрание капитула закончилось, и пребывавшие в некотором смятении монахи начали расходиться. С помощью брата Джона и нескольких братьев, из тех что порасторопней, Колумбануса надежно спеленали простыней, так что он был не в состоянии пошевелить ни рукой, ни ногой. Вместо веревки, которой больной мог подавиться, между зубов ему засунули деревянный клинышек. Затем на снятом с окна ставне его отнесли в лазарет, где уложили в постель, для верности крепко привязав к койке. Колумбанус тужился, вскрикивал и стонал до тех пор, пока не удалось влить ему в рот глоток приготовленного братом Кадфаэлем макового отвара. Снадобье подействовало: судороги почти прекратились, а громкие стоны сменились невнятным бормотанием.

– Присматривайте за ним хорошенько, – встревоженно промолвил приор Роберт, склонившись над постелью молодого монаха. – Я думаю, кому-то придется неотлучно находиться

рядом с ним, ведь этот ужасный приступ может и повториться. Ни брат Эдмунд, ни брат Кадфаэль не могут просидеть здесь всю ночь: в их попечении нуждаются и другие недужные братья. Брат Жером, я возлагаю заботу об этом страждущем на тебя и, пока ему необходим уход, освобождаю тебя от всех остальных обязанностей.

– Все исполню как должно, отче, с молитвою на устах, – отозвался Жером.

Приор не случайно поручил присматривать за недужным своему ближайшему помощнику и прихлебателю. Он хотел, чтобы рядом с больным находился верный человек – такой, который будет докладывать ему обо всем и посторонним лишнего не сболтнет, а то не ровен час за стенами обители пойдут толки, что один из шрусберийских братьев лишился рассудка.

– А главное, ни на шаг не отходи от него ночью, – наставлял приор, – ибо по ночам, когда бодрствуют силы зла, человек особо немощен и слаб и недуг легко одолевает его. Если он уснет, ты тоже можешь вздремнуть, но оставайся поблизости – на тот случай, если ему потребуется твоя помощь.

– Не пройдет и часа, как он заснет, – заверил Кадфаэль, – и проспит всю ночь. А к утру, даст Бог, ему полегчает.

А про себя травник подумал, что Колумбанусу прежде всего недостает настоящей работы – и для ума, и для тела: делом парень не занят, а потому и выкидывает всякие фортели – то ли непроизвольно, то ли сознательно. Может, его и пожалеть стоит, но в чем-то он и сам виноват. Однако Кадфаэль поостерегся высказываться на сей счет: не так-то уж хорошо знает он своих братьев-монахов, чтобы с уверенностью судить о каждом. Не считая разве что брата Джона – с этим вроде бы все ясно! Но такого бесшабашного, грубоватого и жизнелюбивого малого, как брат Джон, нечасто встретишь в святой обители.

На следующее утро в зале капитула появился чрезвычайно взволнованный брат Жером – по всему было видно, что ему не терпится сообщить нечто важное. Аббат Хериберт мягко попенял Жерому за то, что тот без разрешения покинул больного. Писец смиренно сложил руки и склонил голову, однако чувствовалось, что он более чем уверен в своей правоте.

– Отче! Поверь, что меня привело сюда дело, не терпящее отлагательства. Что же до брата Колумбануса, то я оставил его спящим, хотя и не могу сказать, что он спит мирно, ибо и во сне его мучают кошмары. Однако за ним присматривают двое братьев. Если же я нарушил свой долг, то приму наказание с подобающей покорностью.

– Выходит, нашему брату не стало лучше? – сочувственно спросил аббат.

– Сон его по-прежнему тревожен, и он бредит. Но у несчастного появилась надежда – потому я и осмелился прийти сюда. Ибо я сподобился чудесного видения и спешу рассказать о том, что открылось мне по неизреченной милости Господней. Отче, я ненадолго сомкнул глаза у ложа брата Колумбануса, и мне привиделся чудесный, сладостный сон.

К этому моменту Жером уже привлек к себе всеобщее внимание; Кадфаэль и тот стряхнул с себя дремоту.

– Кажись, еще один спятил, – насмешливо прошептал ему на ухо брат Джон, – похоже, эта штука заразная!

– И вот, отче, я узрел, как стена кельи отверзлась, и в ослепительном свете взору моему предстала прекрасная юная дева. Встав над ложем нашего брата, она поведала мне, что имя ее Унифред и что в Уэльсе есть чудотворный ключ, забивший на том месте, где некогда обрела она мученический венец. И еще она сказала, что ежели омыть брата Колумбануса водой из этого источника, то в тот же миг недуг его оставит. Затем дева призвала благословение Всевышнего на нашу обитель и исчезла, растворившись в несказанном свете, и только тогда я пробудился.

Над пробежавшим по залу возбужденным ропотом возвысился исполненный благоговейного восторга голос приоры Роберта:

– Узи, отец аббат, что Провидение благоволит нам и направляет наши поиски. Что это, если не знак, указующий, что нам надлежит и впредь неустанно стремиться к обретению священных реликвий?

– Унифред? – с сомнением пробормотал Хериберт. – Что-то я не припомню такой святой мученицы, да и не диво – их ведь так много в Уэльсе. Но конечно же, было бы святотатством пренебречь столь явным знамением, и мы должны доставить брата Колумбануса к этому святому источнику. Вот только как его отыскать?

Приор Роберт обвел взглядом тех немногих братьев, которые были родом из Уэльса. Брата Кадфаэля Роберт предпочел не заметить: этого валлийца он не жаловал – то ли из-за лукавого блеска в глазах, то ли из-за не слишком подходящего для монаха прошлого. Благоклонный взор приора остановился на престарелом брате Рисе. Тот уже вконец одряхлел, однако за свою долгую жизнь наслушался всевозможных историй о святых, и хотя память порой и подводила старца, зато на его благочестие вполне можно было положиться.

– Брат, – обратился к нему приор, – может быть, ты расскажешь нам об этой святой, а заодно подскажешь, где же найти ее источник?

Об иссохшем, беззубом старике редко кто вспоминал, и он не сразу уразумел, что оказался в центре внимания. Начал он несмело, с запинкой, но когда увидел, что все глаза устремлены на него, воодушевился, и голос его зазвучал громче.

– Святая Унифред, отче? Ну как же, святую Унифред всякий знает. А про источник я так скажу – его немудрено сыскать, потому как в честь его место так и называется – Святой Колодец. От Честера рукой подать. Вот только самой святой вы там не найдете, ее могилы у Святого Колодца нет.

– Расскажи нам о ней, брат, – упрашивал приор Роберт, и нетерпение его было так велико, что голос звучал чуть ли не угодливо. – Поведай все, что ты о ней знаешь!

– Святая Унифред, – возгласил довольный старик, сообразив, что наступил час его славы, – была единственной дочерью одного рыцаря по имени Тевит, жившего в тех краях, когда валлийские государи были еще язычниками. Но этот рыцарь вместе со всеми своими домочадцами был обращен в веру Христову святым Беуно, в благодарность за что предоставил святому кров и выстроил для него церковь. Девушка же в благочестии превосходила даже своих родителей. Она дала обет целомудрия, а уж к мессе ходила каждый Божий день. Но как-то в воскресенье она прихворнула и осталась дома, в то время как все домашние пошли в церковь. И надо же такому случиться – к ее дверям подъехал принц Крэдок, сын тамошнего короля, и, как только увидел девицу, тут же в нее влюбился. Уж очень она была хороша! Настоящая красавица! – заявил брат Рис и громко причмокнул.

Приора это заметно покорило, однако он удержался от упрека, не желая прерывать поток красноречия старого монаха.

– И вот принц, – продолжал брат Рис, – стал уверять ее, что притомился на охоте, изнемогает от жажды, и попросил напиться. Унифред, не думая дурного, впустила его в дом и принесла воды. А этот нечестивец схватил ее и заключил в объятия – вот так! – воскликнул согбенный старец и подскочил – кто бы мог ожидать от него подобной прыти?

Приор недовольно поморщился – видать, посчитал, что такая манера выражаться не соответствует ни преклонному возрасту Риса, ни его иноческому сану.

– Но достойная девушка сумела как-то вырваться из объятий Крэдока, выбежала в другую комнату, а там выбралась в окно и пустилась бежать к церкви. Однако когда принц понял, что она убежала, он вскочил на коня и поскакал вдогонку, достиг возле самой церкви и, опасаясь, что она ославит его за беспутство, выхватил меч и отсек ей голову!

На этом месте Рис сделал паузу и выждал, пока по залу прокатилась волна вздохов и восклицаний ужаса, негодования и жалости. Братья молитвенно складывали руки и закатывали глаза.

– Увы, сколь печально завершился земной путь этой девы! – прогнусавил нараспев Жером.

– Как бы не так! – оборвал его Рис. Брата Жерома старик всегда недолюбливал. – В это время из церкви, вместе со всем причтом, вышел святой Беуно, и он увидел все, что случилось. И тогда святой проклял негодяя, проклял таким страшным проклятием, что тот повалился на землю и тут же истаял, точно воск на огне, – и следа от него не осталось. А потом блаженный Беуно взял отрубленную голову, приставил ее к шее, и плоть срослась, девушка восстала из мертвых, а на месте ее воскрешения забил чудотворный ключ.

Рис снова замолк, и на сей раз ошеломленной рассказом братии пришлось довольно долго ждать продолжения. Похоже, дальнейшая судьба девушки старика уже не интересовала.

– Ну а потом? – не отставал приор Роберт, – как распорядилась святая чудесно возвращенной ей жизнью?

– Она совершила паломничество в Рим, – сообщил брат Рис уже спокойным тоном, – предстала там перед великим собранием святых и была назначена аббатисой девичьей обители в Гвитерине, что близ Ланрвиста. Она прожила там долгие годы и совершила немало разных чудес. Если, конечно, можно так сказать – прожила, она ведь уже один раз помирала. Ну а во второй раз она преставилась там, в своей обители, – закончил брат Рис, равнодушно пожимая плечами.

Последние годы жизни святой ничуть его не волновали. В конце концов, рассуждал старик, у девицы была возможность подцепить принца, а раз она его не воспользовалась, стало быть, у нее на роду было написано сделаться аббатисой девичьей обители, и распространяться тут особо не о чем.

– Так, значит, она похоронена в Гвитерине? – не унимался приор. – А продолжались ли чудеса после ее смерти?

– Что-то такое поговаривали, – отвечал брат Рис, – да только я уж и не припомню, когда в последний раз слышал ее имя, а в тамошних краях не бывал, почитай, целую вечность.

Приор Роберт, стоявший в круге солнечного света, пробивавшегося между колоннами зала капитула, выпрямился во весь свой немалый рост и обратил сияющий, торжествующий взор к аббату Хериберту:

– Отче! Не кажется ли тебе, что сам Господь благословляет и направляет наши неустанные поиски могущественного святого покровителя? Если блаженная дева явилась во сне брату Жерому и повелела доставить к ней для исцеления нашего недужного брата, то не вправе ли мы ожидать от нее и дальнейших милостей? И если, откликнувшись на наши молитвы, она исцелит брата Колумбануса, не позволительно ли нам будет счесть это знаком ее благоволения и надеяться, что она желает пребывать с нами? Не значит ли это, что нам надлежит обратиться к церковным властям со смиренным прошением даровать разрешение на перенесение ее святых мощей в Шрусбери, где они обретут подобающее пристанище, к вящей славе и процветанию нашей обители?

– А главное – приора Роберта! – шепнул брат Джон на ухо Кадфаэлю.

– Не приходится сомневаться в том, что святая и впрямь явила нам исключительную милость, – согласился аббат Хериберт.

– А коли так, отче, благословишь ли ты меня сегодня же отправить брата Колумбануса, в сопровождении добрых братьев, к Святому Колодцу?

– Пусть едет, – промолвил аббат, – и да пребудут с ним наши молитвы. И пусть он вернется к нам исцеленный и исполненный благодарности, как личный посланец святой Унифред.

Сразу же после полуденной трапезы Колумбануса, который так и не пришел в себя и беспрестанно лепетал что-то невразумительное, вывели во двор, откуда и должно было начаться

его путешествие. Больному подобрали смиренного мула и усадили в высокое удобное седло, чтобы юноша, не дай Бог, не свалился, если с ним снова повторится припадок. По обе стороны от недужного ехали брат Жером и один загорелый монастырский служка. Оба были готовы, если возникнет нужда, поддержать Колумбануса. Сам же он, казалось, никого не узнавал, лишь озирался по сторонам широко раскрытыми глазами и доверчиво и послушно, точно дитя, следовал туда, куда его вели.

– Эх, я бы и сам не прочь прогуляться в Уэльс, – с тоской в голосе протянул брат Джон, завистливо поглядывая вслед паломникам, пока те не завернули за угол и не пропали из виду, направляясь к мосту через Северн. – Да только куда мне сподобиться видения – на такие штуки у нас Жером мастак.

– Парень, – добродушно укорил его Кадфаэль, – что-то ты с каждым днем все больше смахиваешь на безбожника.

– Да ничего подобного! Никакой я не безбожник и, как всякий другой, готов уверовать в святость этой девы и в ее чудеса. И ничуть не сомневаюсь в том, что святым дарована благословенная целительная сила и что они могут откликаться на наши молитвы. Но сон-то видел не кто иной, как этот верный приорский пес. Ты что же, хочешь, чтобы я поверил в его святость? Его, а не ее! Да и в любом случае, разве того, что дева явила нам свою милость, не достаточно для славы обители? В толк не возьму, с чего это им приспичило тревожить прах бедной госпожи. По мне, так это дело гробовщиков да могильщиков, а уж никак не святых отцов. Да ты и сам так же думаешь, – решительно заявил Джон и вызывающе посмотрел старшему товарищу прямо в глаза.

– Что я думаю, я и без тебя знаю. И вместо того чтобы болтать попусту, пойдем-ка лучше вскопаем грядку, а то капуста ждет не дождется, когда наконец мы ее высадим.

Поездка к Святому Колодцу заняла пять дней. В тот вечер, когда возвратились паломники, шел проливной дождь, но они въехали во двор, не обращая на ливень никакого внимания и распевая хвалебные псалмы. В центре, расправив плечи и подняв голову, ехал брат Колумбанус, весь облик которого был исполнен благодарности и торжества, если только такое слово можно было применить к человеку, проникшему духом смирения. Лицо его сияло, взгляд был осмысленным – трудно было представить себе, что совсем недавно он в беспамятстве бился о каменные плиты пола. Прежде всего все трое посетили церковь, где, стоя на коленях перед алтарем, прочли благодарственные молитвы Всевышнему и святой Уинифред, а затем отправились в аббатские покои, чтобы как подобает доложить обо всем аббату, приору и субприору.

– Отче, – начал пребывавший в радостном возбуждении брат Колумбанус, – я не искушен в рассказах и не берусь поведать обо всем, что приключилось со мной, тем паче что знаю меньше, чем эти добрые братья, заботившиеся обо мне во время недуга. Знаю лишь, что я впал в забытие и, когда меня привезли к Святому Колодцу, я не ведал, куда я еду и зачем, не знал, что со мной происходит, и был беспомощен, как дитя. Но сколь же чудесно было мое пробуждение! Неожиданно я воспрял и, придя в себя, узрел светлое, весеннее утро. Я стоял нагой в траве рядом с колодцем, а эти достойные братья поливали меня водой, каждая капля которой несла исцеление. Я тут же узнал их и вспомнил, кто я такой, но никак не мог понять, где я нахожусь и как там оказался. Однако братья поведали мне обо всем. А после этого мы, вместе со многими тамошними жителями, направились в маленькую церковь, которая стоит близ Святого Колодца, и отслужили там мессу. Теперь мне ведомо, что своим исцелением я обязан заступничеству святой Уинифред, которой я возношу хвалу и благодарность, равно как и Господу, подвигшему ее явить мне свою милость. Остальное же поведают эти братья.

Спутник Колумбануса и Жерома – рослый, неразговорчивый служка, на долю которого выпала вся тяжелая работа во время паломничества, – был по горло сыт всей этой историей, а потому предоставил рассказывать ее поднаторевшему в таких делах брату Жерому, а сам лишь

кивал в знак согласия и поддакивал в нужных местах. Жером, воодушевленно жестикулируя, поведал, как они доставили своего подопечного в селение, именуемое Святой Колодец, и обратились к местным жителям с просьбой указать им дорогу к источнику, а те охотно показали им место, где некогда святая восстала живой после своей мученической кончины. И поныне там бьет серебристый ключ, но теперь чудотворную влагу оберегают стены каменного колодца. Туда-то и привели Колумбануса, сняли с него рясу и исподнее и нагого окатили святой водой. И – о чудо! – в тот же миг рассудок вернулся к нему, и он воздел руки и возгласил благодарственную молитву. Потом Колумбанус спросил у них, как и почему оказался здесь, ибо немало удивился, видя незнакомые места. Рассказ же обо всем случившемся исполнил его благодарности и благоговения перед святой покровительницей, милостию коей он был исцелен.

– А еще, отче, тамошние поселяне сказали нам, что святая действительно покоится в Гвиртерине, где была погребена после многолетней службы в девичьей обители, и что на ее могиле долго творились чудеса. Однако по прошествии времени могила святой Унифред была почти забыта и заброшена. Возможно, такое небрежение и побудило святую возжелать перебраться туда, где ее смогут почтить согласно ее заслугам, куда к ее алтарю смогут стекаться паломники и где она сможет являть свою милость многим и многим страждущим.

– Воистину слова твои вдохновлены свыше, – торжественно изрек приор Роберт, светившийся от сознания того, что вера его наконец вознаграждена. – Недаром именно тебе было ниспослано видение. Ты высказал то, о чем я и сам думал, слушая твою повесть. Безусловно, святая Унифред призывает нас явиться и избавить ее от забвения, подобно тому как она избавила брата Колумбануса от недуга. Несть числа несчастным, нуждающимся в ее помощи и защите, которые, увы, не знают, где преклонить колени и обратиться к святой с молитвой. В нашей обители она будет окружена должным почтением, и всякому станет ведомо, куда надлежит идти, дабы снискать ее благорасположение. Я осмеливаюсь просить о разрешении снарядить паломничество, к которому, как я верю, призывает нас сама святая. Отец аббат, дозвожь мне обратиться к церковным властям с прошением о перенесении мощей, дабы прах благословенной госпожи упокоился в стенах Шрусберийской обители, став предметом величайшей нашей гордости. Верю, что, поступив так, мы исполним ее волю.

– Во имя Господне, – вдохновенно провозгласил аббат, – быть по сему, и да пребудет с нами благословение небес.

– Да ведь он все заранее подстроил! – горячился сидевший на корточках возле грядки с мятой брат Джон. Ему и противно было, и завидно: – Одна показуха, с первого до последнего слова. Все эти охи да ахи, все эти вопросы, где да как отыскать святую Унифред. Все он знал наперед – наверняка сам и нашел в Уэльсе ее заброшенную могилу и решил, что заполучить мощи будет нетрудно, а вся слава достанется ему. Ну так бы и сказал, так ведь нет – подавай ему чудо. И будь уверен, если потребуются другие чудеса, за этим дело не станет, лишь бы все прошло гладко. Он метит высоко, видал, как ловко он все обставил: видение, чудесное исцеление и Провидение, направляющее каждый его шаг. Тут все ясно как Божий день!

– Так уж и ясно, – добродушно ухмыльнулся брат Кафаэль. – Неужто ты считаешь, что Колумбанус состоит в сговоре с приором и Жеромом и только прикидывался, изображая припадок? Я тебе так скажу – это ж как нужно верить в то, что на небесах тебя ожидает немалая награда, чтобы эдак колотиться головой об пол, рискуя вышибить мозги? Что ж, по-твоему, он это делал, чтобы угодить приору Роберту?

Брат Джон призадумался и нахмурился:

– Нет, этого бы я не сказал. Кто же не знает, что порой на нашего смиренного агнца что-то накатывает, особенно во время постов и бдений. И не спорю, чтобы привести беднягу в чувство, ледяная водица из святого колодца – вполне подходящее средство. Правда, сдается мне, его с тем же успехом можно было бы окунуть в наш мельничный пруд. Впрочем, сам он,

похоже, готов поверить всему, что они ему наплели, и приписать свое исцеление святой. Уж такого случая он не упустит! Я хочу сказать, он не то чтобы сознательно в этом участвовал, но все-таки здорово сыграл им на руку. И заметь: кому велели присматривать за ним ночью? Жерому. Другому небось не доверили. Тут нужен был верный человек, который непременно узрит видение, причем такое, какое надо. – Джон растер между ладонями листочек мяты, и утренний воздух наполнился терпким ароматом. – И в Уэльс приор возьмет с собой нужного человека, – с уверенностью добавил молодой монах и усмехнулся. – Вот увидишь!

Да, с сочувствием подумал Кадфаэль, видать по всему, малому невтерпеж вновь поглядеть на мир да подышать вольным воздухом за стенами обители.

Впрочем, он и сам испытал приятное возбуждение при мысли о возможности внести разнообразие в размеренное течение монастырской жизни. Такой случай никак нельзя упускать, да и в дороге всякое может приключиться – не стоит пускать такое дело на самотек.

– Я так смекаю, парень, что не худо бы нам тоже принять участие в этом паломничестве. Не хотелось бы, чтобы в Уэльсе сложилось мнение, будто в Шрусберийском аббатстве не нашлось никого получше брата Жерома.

– Так-то оно так, но только никто тебя туда не возьмет, а обо мне уж и говорить нечего, – с обычной грубоватой прямоотой отозвался Джон. – Вот без Жерома, ясное дело, не обойтись. И Колумбануса, надо думать, прихватят – этот дурачок им еще пригодится, как-никак это он сподобился чудесного исцеления. И наверное, брат субприор поедет – ему по сану положено... Да, пожалуй, ты прав – стоит поразмыслить над тем, как затесаться в эту компанию. Еще несколько дней они все равно не смогут тронуться в путь – придется ждать, пока плотники и резчики закончат отделять эту великолепную раку для святых мощей, которую они собираются повезти с собой. Брат Кадфаэль, пораскинь-ка мозгами: если у человека голова варит, он своего добьется, пусть это приору и не по нраву.

«Да, парень, не зря я тебя называл безбожником», – подумал Кадфаэль, которому решительно нечего было возразить Джону, да и, по правде сказать, ему понравилась настырность молодого брата. Вслух он сказал:

– Ну для себя, положим, я отыщу какую-нибудь лазейку, но скажи на милость, как мне за тебя просить, плут ты эдакий? Что ты умеешь делать такое, что могло бы пригодиться в дороге?

– Я неплохо управляюсь с мулами, – с надеждой в голосе промолвил брат Джон, – ты ведь не думаешь, что приор Роберт потащится в Уэльс на своих двоих? Или что он сам будет седлать, чистить, кормить да поить мулов, а то и навоз убирать за ними? Им ведь наверняка понадобится кто-нибудь, чтобы прислуживать да выполнять всякую грязную работенку – так почему бы и не я?

И то правда, об этом, кажется, никто не подумал. И зачем брать с собой какого-нибудь служку-мирянина, если есть принявший обет брат, который и мессу отслужить может, и сам не прочь малость попотеть. А паренек заслужил прогулку, тем паче что он ее отработает своим горбом. И не исключено, что брат Джон сумеет принести немалую пользу – если не приору Роберту, то, скажем, брату Кадфаэлю.

– Ну ладно, может, что и сообразим, – промолвил Кадфаэль и умолк, так что его нетерпеливому помощнику волей-неволей пришлось вернуться к работе на грядке. Однако после обеда, в те полчаса, когда монахи постарше обычно спят, а юные послушники предаются играм и забавам, Кадфаэль отправился в келью аббата Хериберта.

– Отец аббат, – начал он без обиняков, – мне пришло в голову, что, готовясь к паломничеству в Гвитерин, мы не все приняли во внимание. Прежде всего нам следует обратиться к епископу Бангорскому – Гвитерин расположен в его епархии, и, не заручившись его поддержкой, ничего нельзя предпринять. Конечно, для беседы с епископом не обязательно нужен человек, хорошо говорящий по-валлийски, – его преосвященство наверняка знает латынь. Но если епископ поддержит нас, паломникам непременно придется иметь дело с приходским свя-

щенником в Гвитерине, а в Уэльсе далеко не каждый клирик может изъясняться на латыни. А главное то, что вся Бангорская епархия находится на земле гуинеддского короля, и его согласие будет так же необходимо, как и одобрение церкви. Гуинеддские же государи говорят только по-валлийски, и, кроме разве писцов, там никто других языков не знает. Правда, отец приор кое-как по-валлийски объясниться может, но...

– Именно что кое-как, – согласился аббат Хериберт, которого все эти соображения несколько озадачили. – Ты прав, согласие короля для нас важнее всего. Брат Кадфаэль, ты ведь сам из Уэльса, и валлийский язык для тебя родной. Не мог бы ты?.. Вот только боюсь, что сад тебе не на кого оставить... Но твоя помощь очень бы нам пригодилась.

– Отче, – откликнулся брат Кадфаэль, – нынче в саду вся работа сделана дней на десять вперед, а то и больше, так что все это время можно спокойно обойтись и без меня. А я бы с удовольствием отправился в Гвитерин, чтобы своими знаниями послужить обители.

– Да будет так, – с облегчением молвил аббат Хериберт. – Езжай, брат, с приором Робертом, и пусть твоими устами наше аббатство говорит с валлийским народом. А я своей властью наделяю тебя необходимыми полномочиями.

Аббат был стар, мягок по натуре и при всем своем опыте не отличался решительностью, ему недоставало ни честолюбия, ни уверенности в себе. Существовало два способа подступиться к нему с вопросом, касающимся брата Джона, – напрямую и исподволь. Кадфаэль рассудил, что честность в данном случае – лучшая политика.

– И еще одно, отче. В нашей обители есть один молодой брат. Я с ним сдружился и знаю, что он славный парень, но сомневаюсь в том, что монашество – его истинное призвание. По моему разумению, нам стоило бы помочь ему определиться в жизни, ибо если он найдет свой путь, то уж никогда с него не свернет. Правда, это вовсе не обязательно будет монашеская стезя. Ему надо бы дать возможность все хорошенько обдумать, а потому я прошу разрешения взять его в Гвитерин – кстати, кто-то ведь должен воду таскать да дрова колоть.

Аббат озабоченно взглянул на Кадфаэля, но в его взоре не было осуждения. Возможно, он припомнил те давние дни, когда его самого одолевали сомнения в правильности сделанного выбора.

– Всяк из нас волен служить Господу так, как ему больше подходит, и я не вправе лишать кого бы то ни было возможности принять правильное решение. В конце концов, кто из нас мог бы сказать, что он ни разу в жизни не усомнился? А ты говорил об этом брате с приором Робертом? – осторожно поинтересовался аббат.

– Нет, отче, – откровенно признался Кадфаэль. – Я подумал, что не стоит беспокоить его по пустякам, ведь сейчас на него возложена такая огромная ответственность.

– Это верно! – от души согласился аббат. – Ему предстоит великое дело, и было бы неразумно отвлекать его на всякие мелочи. И я не скажу приору, почему решил включить этого брата в число паломников. Кто-кто, а Роберт непреклонно уверен в своем призвании и способен сурово осудить пахаря, который, уже взявшись за плуг, оглядывается назад.

– И все же, отче, не всем суждено быть пахарями на ниве Господней.

– Ты прав, – с усталой улыбкой признал аббат, размышляя о брате Кадфаэле, который сам был для него загадкой. Обычно он об этом забывал, но время от времени приходилось и вспоминать. – Признаться, я частенько задумываюсь... – начал было Хериберт, но осекся. – Ну да ладно! Скажи мне, кто этот юный брат, и он в твоём распоряжении.

Глава вторая

Тень неудовольствия и подозрения пробежала по бледному, холодному лицу приора Роберта, когда он услышал, кого навязали ему в спутники. Он всегда неуютно себя чувствовал в присутствии казалось бы простодушного, но чересчур самостоятельного брата Кадфаэля, словно от того исходила угроза приорскому достоинству, хотя сам Кадфаэль никогда не позволял себе ни лишнего слова, ни даже непочтительного взгляда. О брате Джоне Роберт ничего дурного не слышал, но его буйная рыжая шевелюра, богатырская стать и слишком уж прочувствованная манера, в которой тот расписывал деяния святых мучеников, говорили не в пользу молодого монаха.

Однако поскольку решение было принято самим аббатом – да и трудно было не согласиться с тем, что в дороге действительно может потребоваться человек, свободно говорящий по-валлийски, и кто-то должен ухаживать за мулами, – приор счел за благо воздержаться от возражений.

Как только была закончена предназначенная для святых мощей великолепная рака, выполненная из отделанного серебром полированного дуба – наглядное свидетельство того, сколь высокие почести ожидают святую в Шрусбери, – паломники отправились в путь. На третьей неделе мая они добрались до Бангора и поведали о своем деле епископу Давиду. Тот отнесся к их планам с одобрением и охотно дал свое благословение на перенесение мощей. Теперь следовало заручиться согласием принца Овейна, который управлял королевством по причине болезни старого короля, своего отца. Принца в конце концов удалось отыскать в Эбере. Он выслушал их столь же благосклонно, как и епископ, и оказался настолько любезен, что не только дал монахам требуемое согласие, но и послал с ними своего писца и капеллана, говорившего по-английски, чтобы тот указал им кратчайший путь в Гвитерин и познакомил их с тамошним священником, а того – с целью паломничества. Таким образом, приор Роберт, без труда добившийся одобрения принца и благословения епископа, рассчитывал на скорое исполнение своего замысла и, пожалуй, преждевременно уверовал в то, что Провидение и впредь будет устранять все препоны на его пути к величайшему триумфу.

Близ Ланрвиста путники свернули в сторону от долины реки Конвей, пересекли поросший лесом холмистый край, переправились через Элвай у самого истока, где речка была еще мелкой и узенькой, и сквозь густые леса продолжали двигаться на юго-восток. Им пришлось перевалить через горный кряж, после чего они спустились к долине небольшой реки. Вдоль берегов тянулись болотистые заливные луга, а выше их, на уступах, раскинулись сочные пастбища и участки обработанной земли, укрытые от ветров росшим на склонах лесом. В зеленых складках холмов по обоим берегам реки там и сям скрывались дома, возделанные поля и цветущие сады. В самом низу, там, где деревья расступались, образуя зеленый амфитеатр, взору открылась маленькая свежевыбеленная церквушка, рядом с которой стояла деревянная хижина.

– А вот и цель вашего паломничества, – промолвил капеллан Уриен. Этот подтянутый, щеголеватый, гладко выбритый человек, ехавший на прекрасном коне, походил скорее на посланника, чем на писца или духовную особу.

– Это и есть Гвитерин? – спросил приор Роберт.

– Это гвитеринская церковь, а рядом с ней дом приходского священника. Сам Гвитеринский приход простирается на несколько миль вдоль речной долины и на добрую милю, а то и больше, по обе стороны Глендуина. Мы здесь не селимся кучно, в деревнях, как вы, англичане. Охота в здешних краях хороша, но земли, пригодной для обработки, маловато. Потому каждый ставит свой дом там, где ему удобнее, поближе к полям – так возделывать сподручней, да и урожай свозить далеко не приходится.

– Красивые места, – промолвил субприор и не покривил душой, ибо трудно было остаться равнодушным, глядя на мягкие складки холмов, поросших буйной весенней зеленью, являвшей взору десятки оттенков зеленого цвета, и сочные заливные луга, словно изумруды нанизанные на нить реки, отливавшей серебром и лазурью.

– Красивые, если ими любоваться, – заметил Уриен, – но работать здесь ой как нелегко. Взгляните хотя бы вон на тот берег – видите, бычья упряжка целину поднимает? Все, что было распахано раньше, нынче уже засеяно. Вы только посмотрите, как надрываются быки, и небось поймете, какова она – горная земляца.

Вдалеке за рекой, между укрытыми в тени деревьев засеянными участками, змеилась, поднимаясь вверх по склону холма, темно-коричневая свежая борозда. Впряженные в ярмо быки, напрягаясь изо всей мочи, тянули в гору тяжелый плуг. Шедшему за плугом пахарю, судя по всему, тоже приходилось несладко. А впереди пары быков, отступая шаг за шагом, пятился человек. Вместо бодреца – заостренной жерди, какой обычно подгоняют скотину, он держал в руке тоненький пруттик, помахивая им, словно волшебной палочкой. Мягкими, призывными жестами и ласковыми поощрительными словами он приманивал животных. Его ясный, чистый голос звенел над долиной, и быки, будто зачарованные, налегали на ярмо из последних сил, а за лемехом тянулась влажная полоса свежевспаханной почвы.

– Суровый край, – сказал Уриен, не сетуя, а принимая это как должное, и направил коня вниз, к реке. – Следуйте за мной, сейчас я представлю вас отцу Хью и прослежу, чтобы вас хорошо приняли.

– Ты видел? – шепнул на ухо брату Кадфаэлю вышагивавший рядом с навьюченным мулом брат Джон. – Нет, скажи, ты видел, как быки тянулись за этим малым? Они ведь не кнута боялись, а старались ему угодить, и пошли бы за ним на край света. Вот это работа. Такому я бы сам не прочь научиться!

– Это нелегкий труд и для быков, и для человека, – отозвался Кадфаэль.

– Может, и так, но ведь быки следовали за ним по доброй воле, лишь бы только ему потрафить. Брат, да разве преданный ученик может сделать для своего наставника больше? Не хочешь же ты мне сказать, что этому парню его работа не в радость?

– Думаю, она радует и его, и Господа нашего, ибо всяк, кто трудится с охотой, угождает этим Всевышнему, – терпеливо пояснил Кадфаэль. – А сейчас помолчи чуток, мы уже почти на месте – будет еще время оглядеться.

Путники выехали на поросшую травой небольшую прогалину, по которой были разбросаны овощные грядки. Какой-то человек, плотный, невысокого роста, с шапкой вьющихся каштановых волос, с густой бородой и большими темно-голубыми глазами, возился с капустной рассадой в тени бревенчатой хижины. Его домотканая коричневая сутана, подоткнутая выше колен, обнажала крепкие загорелые ноги. Завидев незнакомцев, он выпрямился и поспешил им навстречу, на ходу отирая ладони о полы своей сутаны. Вблизи его глаза оказались огромными, необычайно яркими и на удивление кроткими и застенчивыми, точно у лани.

– Бог в помощь, отец Хью, – обратился к нему Уриен, останавливая коня. – Я привез к тебе почтенных гостей из Англии. Они прибыли сюда по важному делу, касающемуся святой церкви, заручившись одобрением принца и благословением епископа.

Когда паломники выезжали на поляну, никого из местных, кроме священника, не было видно, однако Уриен еще не кончил говорить, как вдруг откуда ни возьмись появились люди, никак не менее дюжины, и молчаливым полукругом столпились за спиной своего пастыря, с любопытством и настороженностью поглядывая на пришлецов.

Что же до самого священника, то он, судя по растерянности в глазах, торопливо прикидывал, скольких приезжих он сможет разместить в своем скромном домишке, где приютить остальных, хватит ли его запасов на эдакую ораву и куда лучше послать за подмогой, чтобы принять чужаков как следует. В этих краях полагали, что всякий гость послан Богом, а потому

даже спрашивать его о том, надолго ли он собирается задержаться, считалось неприличным, сколь бы ни было гостеприимство обременительно для хозяина.

– Моя скромная хижина к услугам преподобных отцов, и я постараюсь помочь им чем смогу, – сказал наконец Хью. – Вы приехали прямо из Эбера?

– Да, из Эбера, от принца Овейна, – ответил Уриен, – и я должен буду вернуться туда сегодня же вечером. Мне было поручено лишь проводить сюда этих достойных бенедиктинских братьев. Я растолкую тебе, по какому благочестивому делу они приехали, и оставлю их на твое попечение.

Уриен представил монахов, начав, как и подобало по сану, с приора Роберта.

– И я не боюсь, что после моего отъезда у вас возникнут затруднения, – добавил он, – ведь брат Кадфаэль сам родом из Гуинедда и по-валлийски говорит не хуже тебя.

При этих словах озабоченность в глазах отца Хью сменилась некоторым облегчением, но, чтобы окончательно успокоить священника, Кадфаэль поприветствовал его на родном языке, не без удовольствия приметив, что в обычно самоуверенных серых глазах приора мелькнуло выражение недоверия и опаски.

– Добро пожаловать в мой скромный дом, – промолвил Хью и, окинув взглядом лошадей, мулов и их поклажу, выкликнул пару имен. Какой-то лохматый парень и дочерна загорелый мальчуган лет десяти тут же откликнулись на его зов.

– Ианто, займись-ка лошадами и мулами этих добрых братьев. Отведи их на тот маленький огороженный выгон, пусть травку пощиплют, а мы тем временем подумаем, где найти для них стойла получше. А ты, Эдвин, давай-ка бегом к Мараред, скажи ей, что у нас гости, и помоги принести водицы, да и винца тоже.

Оба без промедления бросились исполнять поручение священника. Кучка оставшихся прихожан – босоногие мужчины, смуглые, стройные женщины и полуголые детишки, неслышно переговариваясь, придвинулись поближе, а потом женщины потихоньку разошлись – видать, поспешили к очагам да жаровням – помочь священнику своей стряпней, чтобы тот не посрамил гвистеринское гостеприимство.

– Погода нынче выдалась на славу, – промолвил отец Хью и посторонился, приглашая гостей пройти во двор, – и в эдакую благодать, я думаю, куда как приятнее расположиться в саду – у меня там и стол, и лавки поставлены. Летом я все больше на воздухе – успею еще насидеться в четырех стенах при лучине, когда деньки станут покороче, а ночи холоднее.

Усадьба священника была крохотной, и жил он довольно скромно, но, как с одобрением отметил брат Кадфаэль, был усердным садовником и о фруктовых деревьях заботился отменно. В отличие от многих приходских священников кельтского происхождения, отец Хью придерживался обета безбрачия, однако, невзирая на отсутствие женской руки, и дом, и маленькое подворье содержались в порядке и чистоте. На гладко выструганном столе появились хлеб и молодое красное вино, то ли из собственных запасов священника, то ли из пожертвований его прихожан. Подали незатейливые, но зато вместительные рога для питья.

Отец Хью потчевал гостей с подобающим хозяину сдержанным достоинством. Вскоре вернулся мальчонка Эдвин и привел с собой жившую по соседству миловидную пожилую женщину, которая принесла уйму всяческой снеди. И все время, пока гости сидели в саду, разнежившись на весеннем солнышке, мимо плетня шныряли местные жители из разбросанных по всему приходу хуторов и ферм – видно, привело их сюда желание поглазеть на незнакомцев. Каждый старался будто бы невзначай подойти поближе и получше рассмотреть приезжих, так, чтобы самому при этом не бросаться в глаза. В конце концов, не каждый день и не каждый год случалось Гвистерину принимать таких важных чужестранцев. Наверняка еще задолго до вечера каждая живая душа в приходе будет знать не только о том, что в доме отца Хью гостят монахи из Шрусбери, но и о том, сколько их и каковы они с виду, какие славные у них лошадки и мулы, – и все непременно будут судить да рядить о том, зачем они пожаловали. Пока же

гвитеринцы присматривались и прислушивались, однако держались пристойно, не проявляя назойливости.

– Раз уж господину Уриену надо сегодня воротиться в Эбер, – промолвил Хью, когда гости уже отведали угощения, – было бы неплохо, если б он до отъезда растолковал мне, чем же, собственно, я могу услужить братьям из Шрусбери. Думаю, ему и самому будет спокойнее покидать нас, зная, что мы поняли друг друга. А я, со своей стороны, сделаю все, что в моих силах.

Уриен принялся излагать священнику всю историю с самого начала, а поскольку она была ему известна со слов приора Роберта, рассказ затянулся. Непоседливый брат Джон, не находивший себе места от скуки, стал озираться по сторонам и заметил любопытных девушек, маячивших у плетня. «Ишь ты, – подумал он, – глазки-то опустили скромненько, а ушки на макушке – небось все примечают. Но какие ж, однако, попадаются среди них милашки. Вот хотя бы эта – поступь легкая, неспешная, наверняка ведь знает, что на нее смотрят. И что за чудные волосы – мягкие, шелковистые, цвета полированного дуба, из которого сделана рака. А тяжелая, длинная коса так и светится на солнышке...»

Тем временем Уриен закончил рассказ. Отец Хью помолчал, недоверчиво покачивая головой, а потом с сомнением спросил:

– И что же, епископ дал на это свое благословение?

– И епископ, и принц – оба одобрили! – вскричал приор Роберт. Теперь, когда цель была так близка, его раздражал даже малейший намек на противодействие. – А как могло быть иначе? Разве явленные нам знамения не привели нас куда следовало? Ведь здесь жила святая Унифред после чудесного воскрешения, и здесь же находится ее могила – или это не так?

Отец Хью неторопливо и задумчиво кивнул, признавая, что это действительно так. Заметив, что священник слегка смутился и замешкался, Кадфаэль смекнул, что тот старается припомнить, где именно похоронена дева и в каком состоянии окажется ее могила, которая давно уже никого не интересовала.

– Так она похоронена здесь, на этом кладбище? – настаивал приор.

Взгляды монахов тотчас обратились к бросавшейся в глаза выбеленной церквушке.

– Нет-нет, – замотал головой священник. Похоже, он испытывал некоторое облегчение оттого, что имеет хоть какую возможность потянуть время. – Это новая церковь, она построена уже после кончины святой. А ее могила – на старом кладбище, возле деревянной часовни, что на холме, – отсюда будет миля или около того. Там уже давно не хоронят... получается, что знамения благоприятствуют вам, святая на самом деле захоронена в Гвитерине. Однако...

– Что «однако»?.. – с досадой переспросил приор Роберт. – И принц, и епископ одобрили наши намерения и поручили тебе оказать нам содействие. И кроме того, как я слышал, у вас и могила-то ее заброшена, так что, возможно, святая сама захотела перебраться туда, где ей будут воздавать должные почести.

– Что-то я не слыхал, – со смирением в голосе отозвался Хью, – чтобы святые желали почестей для себя, я-то всегда считал, что они помышляют лишь о славе Господней. Потому мне трудно судить о том, какова же истинная воля самой святой. Другое дело, что ваше аббатство хочет воздать ей должную честь. Намерение благочестивое, но... Всю свою жизнь после чудесного воскрешения эта благословенная дева прожила в наших краях, здесь же она и похоронена, и если мои прихожане – чего греха таить – и запустили ее могилу, то все же знали, что в трудную минуту они всегда могут на нее положиться. Сдается мне, для валлийской святой это не так уж мало. Я уважаю волю принца и епископа, однако, принимая это решение, они, видать, не подумали о том, что почувствуют мои прихожане, если их святыню выкопают из могилы и увезут в Англию. С высоты престола это, наверное, представляется не слишком важным – в конце концов, святая есть святая, где бы ни покоились ее кости. Но я вам прямо скажу: гвитеринцам это вряд ли придется по нраву!

Воодушевленный доморощенным красноречием священника и звучавшим в его речах подлинно валлийским духом, Кадфаэль перехватил инициативу у Уриена и перевел сам – с жаром, подобающим скорее барду, нежели монаху.

Случайно он отвел глаза от встревоженных лиц слушателей, и взгляд его упал на другое лицо за оградой, тоже изрядно обеспокоенное. Девушка с шелковистыми каштановыми волосами, нежным личиком и губками как лепестки розы, созданными для смеха, так и застыла на месте как вкопанная. Позабыв обо всем на свете, она смотрела на брата Кадфаэля, а брат Джон – тот не сводил с нее глаз. Все это не укрылось от Кадфаэля, но в следующий миг девушка смутилась, залилась румянцем и торопливо заспешила прочь. Джон еще долго таращился ей вслед.

– На самом деле все это не так уж важно, – произнес приор Роберт, мягко, но со скрытой угрозой. – Ваш принц и ваш епископ высказали свое мнение достаточно ясно, и спрашивать прихожан нет никакой надобности.

И эти слова тоже перевел Кадфаэль. Уриен предпочел промолчать, оставаясь как бы в стороне.

– Нет! – решительно возразил отец Хью, твердо уверенный в своей правоте. – Чтобы решить такой важный вопрос, необходимо созвать сход всех свободных общинников и напрямик изложить им суть дела. Вне всякого сомнения, прихожане не станут пренебрегать волеизъявлением принца, но они должны выслушать вас и сами решить, согласны они или нет. Я завтра же соберу сход, и вот если он одобрит ваше намерение, тогда и считайте, что дело сделано.

Приор бросил на Уриена суровый, почти вызывающий взгляд, но тот выдержал его и сказал:

– Отец Хью прав. Вы поступите правильно, если испросите разрешения и у жителей Гвигтерина. Они глубоко уважают своего епископа, чтят короля и его сыновей, так что, думаю, вам не стоит обижаться из-за этой отсрочки.

Приор Роберт вынужден был согласиться с этими доводами. Он понимал, что ему необходимо время, чтобы спокойно обдумать свою тактику и подготовить обращение к сходу. Поэтому, когда Уриен встал и заявил, что миссия его выполнена и ему пора ехать, поднялся и приор. Выпрямившись во весь рост – а он был уж всяко на полголовы выше любого из собравшихся, – Роберт молитвенно сложил руки и, взглянув на солнце, сказал:

– До вечера осталось еще часа два, а то и более. Отец Хью, я хотел бы пойти в церковь и провести это время в молитве, дабы Всевышний наставил меня на путь истинный. Тебе, брат Кадфаэль, лучше всего остаться с отцом Хью и помочь ему во всех его приготовлениях, а ты, брат Джон, отведи лошадей и мулов, куда тебе укажут, да последи, чтобы о них позаботились. Остальные братья будут вместе со мной молить Господа об успешном завершении нашего паломничества.

Величавой поступью, высоко держа украшенную серебристыми сединами голову, приор вышел из сада и направился к церкви, однако при входе ему пришлось наклониться, чтобы пройти под каменной аркой. Брат Ричард, брат Жером и брат Колумбанус следовали за ним по пятам. Должно быть, они собирались обсудить, как получше убедить гвигтеринцев на предстоящем сходе и какими церковными карами стоит их постращать.

Брат Джон внимательно смотрел вслед приору и, когда тот с достоинством склонил свою серебристую голову ровно настолько, чтобы не задеть о притолоку, разочарованно хмыкнул – похоже, он рассчитывал, что Роберт приложится темечком к камню. Видать, путешествие, новые впечатления и работа на свежем воздухе пошли Джону на пользу: выглядел он еще здоровее и бодрее, чем обычно.

– Я всю дорогу надеялся, что мне выпадет случай взобраться на спину этого серого скакуна, – заметил Джон, – а то наш брат Ричард болтается на нем, словно куль с овсом. Хорошо бы, до конюшни отца Хью оказалось не меньше мили.

Отец Хью собирался разместить гостей в домах своих прихожан, из тех, что были побогаче и жили неподалеку, – по валлийским меркам, хотя по английским понятиям это были не ближние соседи.

– Разумеется, отцы приор и субприор останутся в моем доме, – сказал священник, – а сам я переночую на сеновале. Мой здешний выгон маловат для ваших лошадок, а конюшни у меня и вовсе нет, зато у кузнеца Бенеда, что живет малость повыше пойменных лугов, выгон отменный и есть добрые стойла, а над ними чердак с сеновалом. Ваш молодой брат может устроиться там на ночь, ежели он, конечно, не возражает против того, чтобы разлучиться с товарищами. Тебе же, брат Кадфаэль, и двум другим братьям предоставит ночлег Кэдваллон – усадьба его одна из самых больших в наших краях. До нее отсюда с полмили будет, ежели идти через лес.

Однако перспектива остановиться в одном доме с Жеромом и Колумбанусом Кадфаэля отнюдь не порадовала.

– Отец Хью, – обратился он к священнику, – из всех нас только я свободно говорю по-валлийски, и потому, наверное, мне было бы разумнее держаться поближе к приору Роберту. Я бы с удовольствием переночевал вместе с тобой на сеновале, если ты, конечно, не против.

– Как пожелаешь, – отозвался Хью, – я буду только рад твоей компании. А сейчас мне надо втолковать этому молодому брату, как добраться до кузницы.

– Стало быть, я тебе пока не понадобится. Что до Джона, то этот малый распрекрасно поймет тебя на любом языке, а то и вовсе без слов. Я же чуток прогуляюсь, провожу немного Уриена да полюбуюсь окрестностями – глядишь, и знакомство с кем заведу, уж больно по душе мне пришлись здешние края, да и люди тоже.

Брат Джон вышел из маленького загона, ведя на поводу двух рослых лошадей и несколько мулов. При виде коней глаза у отца Хью загорелись, точь-в-точь как у Джона, и он принялся любовно оглаживать лоснящиеся лошадиные бока и холки.

– Да, – мечтательно протянул он, – давненько я не сиживал на добром коне!

– Так за чем же дело стало, отче, – улыбнулся Джон. Он прекрасно понял если не слова священника, то его интонацию и выражение глаз. – Глянулся тебе чалый, так и полезай на него. Прокатимся с ветерком.

С этими словами Джон, сложив чашечкой могучую ладонь, подставил ее под ногу отца Хью и мигом подсадил удивленного и растроганного священника в седло. Сам он вскочил на серого и держался поблизости на случай, если немолодому отцу Хью потребуется поддержка. Но священник крепко сжал конские бока загорелыми коленями – он вовсе не забыл, как ездят верхом.

– Смелее, отче! – рассмеялся Джон. – Вижу, мы с тобой знатные наездники. А ну давай, кто быстрее!

Уриен, подтягивая подпругу, проводил взглядом удалявшихся всадников.

– Эти двое сейчас счастливы, – задумчиво промолвил он.

– Я с каждым днем все больше дивлюсь, как этого парня вообще занесло в монастырь, – отозвался Кадфаэль.

– Или тебя, например, – с улыбкой произнес Уриен, вставляя ногу в стремя. – Поехали, если хочешь познакомиться с окрестностями. Проедемся по долине, а у холмов я с тобой распрощаюсь.

Они расстались на холмистом, поросшем лесом гребне, откуда была видна бычья упряжка, по-прежнему упорно прокладывавшая уже вторую борозду. Это ж надо – одолеть две борозды за день, по такой-то земле!

– Вот у кого стоило бы поучиться вашему приору, – молвил Уриен, кивая в сторону подзывавшего быков паренька. – В наших краях лучше всего убеждать людей добрым словом

да хорошим примером – не любит здешний народ, когда им командуют. Впрочем, что я тебе говорю, ты ведь и сам из Уэльса.

Кадфаэль провожал Уриена взглядом, пока тот не скрылся среди деревьев, и направился вниз с крутого холма прямо к реке. Он решил вернуться в Гвитерин, но другим путем. На опушке леса он остановился в тени раскидистого зеленого дуба и взглянул через залитые солнцем луга и серебрившуюся ленту реки – туда, где натужно упирались быки, взрыхляя тяжелую почву.

Отсюда, не слишком уж с большого расстояния, было видно, как лоснились от пота шкуры животных и тянулась за лемехом темная влажная полоса. За плугом шел пахарь – смуглый, невысокого роста, но могучего сложения. В его косматой шевелюре поблескивала седина. Тот же, кто подзывал быков, был молод, высок и строен, его выющиеся льняные кудри падали на плечи. Несколько прядей прилипло к вспотевшему лбу. Пятился он легко и свободно, ни разу не обернувшись назад, словно у него глаза были на затылке. За день парень немного охрип, но все же голос его оставался ласковым и веселым и действовал на животных лучше всякого бодреца. Он расхваливал и улещал утомленных быков, говорил, что они славно потрудились, что осталось совсем немного, что скоро они пойдут домой, где их ждет отдых и корм, которые они заслужили, и что он любит их и гордится ими. Он обращался к бессловесным тварям будто к крещеным душам, а те в ответ, не сводя с него глаз, всем своим весом наваливались на тяжелое ярмо и, видать, готовы были пахать хоть до скончания века, лишь бы ему угодить. Наконец, доведя борозду до конца, упряжка остановилась. Светловолосый парень подбежал к опустившим головы, взмокшим быкам, обнял за шею одного и почесал за ухом другого.

«Ну ты и ловок, – подумал Кадфаэль, – вот только хотел бы я знать, каким ветром тебя в Уэльс занесло?»

И в этот момент что-то маленькое, кругленькое, но довольно тяжелое, пробившись сквозь густую листву, шлепнулось прямо на выдубленную непогодой бритую макушку Кадфаэля. Монах в сердцах хлопнул себя ладонью по тонзуре, добавив к этому жесту пару словечек, вовсе не приличествующих духовному лицу. Впрочем, это оказался всего лишь прошлогодний желудь, успевший, однако же, за зиму иссохнуть и затвердеть, словно камушек. Подняв голову, Кадфаэль всмотрелся в пышную листву, светлые весенние тона которой уже сменялись более густыми красками лета, и ему показалось, что ветви колышутся и шуршат. Между тем ветра не было, да и крохотный желудь вряд ли мог растревожить могучую крону. Правда, непонятный шорох быстро стих – может, даже слишком быстро.

Кадфаэль сделал вид, будто собирается уйти, а сам, скрывшись за кустами, обогнул лужайку и вышел с другой стороны – посмотреть, клюнула ли рыбка на наживку. Маленькая босая ножка, слегка поцарапанная о сучья, свесилась с дерева. Кто-то раскачивался на ветке – видно, какой-то мальчуган собрался прыгнуть вниз. Кадфаэль взгляделся и тут же с улыбкой отвел глаза и отвернулся. Однако он не ушел, а еще раз пройдя за кустами, с невинным видом появился на полянке, прямо перед пташкой, которая как раз выпорхнула из гнездышка. И оказалось, что это не мальчишка, как он подумал было вначале, а девушка, и прехорошенькая. Она оправила юбку и выглядела вполне благопристойно, даже маленькие босые ножки скрывала трава.

Они стояли и смотрели друг на друга – с откровенным любопытством и безо всякого смущения. Девушке было на вид лет восемнадцать-девятнадцать, возможно, она была и моложе, но казалась совсем взрослой благодаря тому, что держалась уверенно и с достоинством, – будто и не она только что соскочила с дерева. Несмотря на растрепанные волосы и босые ноги, она была не простой крестьянкой – иначе вряд ли могла бы носить чудесное голубое платье из тонкой шерсти с вышивкой по рукавам и вороту. И спору нет, она была красива. Овальное лицо с правильными чертами обрамляли падавшие на плечи волнами темные, почти совсем черные волосы, отливавшие багрянцем в солнечных лучах. Ее большие, опущенные длинными

темными ресницами глаза, с неподдельным интересом глядевшие на Кадфаэля, были того же цвета, что и волосы, ну точно спелые сливы.

– Ты один из тех монахов, что приехали из Шрусбери, – заявила девушка. К немалому удивлению брата Кадфаэля, она произнесла это по-английски, легко и уверенно.

– Точно, – признал Кадфаэль, – только хотелось бы знать, как это ты о нас выведала так скоро? Вроде бы тебя не было среди тех, кто отирался возле плетня отца Хью, пока мы беседовали в саду. Помнится, мелькала там одна хорошенькая девушка, да только не такая черненькая, как ты.

Незнакомка улыбнулась лучистой, обворожительной улыбкой:

– А, это, наверное, была Аннест. Нынче в Гвитерине уже всяк знает, кто вы такие и зачем пожаловали. И знаешь что, – голос девушки зазвучал серьезно, – нам все это вовсе не нравится. Прав отец Хью – что это вы задумали: забрать от нас святую Уинифред? Она здесь уже Бог весть сколько времени, и никто до сей поры о ней и не вспоминал. По-моему, это нечестно и не по-соседски.

«Надо же, как говорит бойко, – подумал монах, ибо английский язык звучал в ее устах, словно был для нее родным. – Что же могло заставить девчонку так хорошо его выучить? Не иначе как любовь».

– По правде сказать, я и сам-то не больно уверен в том, что мы правы, – уныло согласился с ней Кадфаэль. – Признаться, когда я слушал отца Хью, то ловил себя на мысли, что зря мы все это затеяли.

Девушка пристально взглянула на него и нахмурилась, как будто у нее зародилось какое-то сомнение или подозрение. Ясно было, что, кто бы там ей ни рассказал, она знала, о чем шла речь в саду у отца Хью. Поколебавшись, девушка неожиданно обратилась к брату Кадфаэлю по-валлийски:

– Должно быть, ты тот самый монах, что знает наш язык. Это ведь ты переводил слова отца Хью? Ты говоришь по-валлийски? Понял, что я сейчас сказала?

Похоже, это беспокоило ее гораздо больше, чем можно было предположить.

– Конечно, я ведь такой же валлиец, как и ты, дитя, – добродушно отозвался Кадфаэль. – Я вступил в Бенедиктинский орден уже в годах, и надеюсь, что не забыл свой родной язык. А вот как вышло, что ты здесь, в сердце Роса, выучилась говорить по-английски не хуже меня?

– Нет-нет, – торопливо возразила девушка, – я английский только чуточку знаю – просто думала, что ты англичанин, вот и решила попробовать поговорить с тобой. Откуда мне было знать, что ты и есть тот самый брат.

«Странно, – подумал Кадфаэль, – почему ее так волнует, что я знаю два языка? И отчего она все время украдкой посматривает в сторону реки?»

Монах и сам незаметно бросил туда взгляд и приметил того высокого светловолосого юношу, который, несомненно, умел управляться с быками лучше всех в Гуинедде и при этом не был валлийцем. Быки остановились у реки и пили воду, а парень оставил свою упряжку и, рассыпая сверкающие брызги, шел вброд, определенно направляясь к уже знакомому Кадфаэлю высокому дубу.

«Ага! – смекнул монах, – девчонка-то сидела на дереве и дожидалась этого малого – стоило ему закончить работу, как она тут же спустилась вниз».

– Мне так стыдно за мой английский, – умоляюще проговорила девушка, – пожалуйста, не рассказывай никому!

Она явно хотела, чтобы монах поскорее ушел, и при этом надеялась, что он будет держать язык за зубами. Кадфаэль сообразил, что задерживаться дольше было бы неловко.

– Я и сам смущался, когда начал учиться говорить по-английски, так что не бойся, все останется между нами. Ну а сейчас мне пора возвращаться, а то не ровен час опоздаю к вечерне.

– Бог тебе в помощь, отец, – с радостью и облегчением промолвила девушка.

– И тебе, дитя мое.

С этими словами Кадфаэль ушел, тщательно выбирая дорогу, – так, чтобы не наткнуться ненароком на светловолосого юношу.

Она долго смотрела ему вслед, а потом порывисто обернулась навстречу молодому человеку, который уже перебрался через отмель и карабкался на берег. Кадфаэль подумал, что она догадалась, как много он успел заметить. Впрочем, наверное, она поняла, что он не любит совать нос в чужие дела, а потому успокоилась и положила на его слово. Да, валлийской девушке из хорошей семьи, которая носит такое красивое платье с вышивкой, надо быть поосторожней, если она встречается с чужаком без роду и племени. Здесь живут кланами, и не принадлежать к общине – значит не иметь ни земли, ни средств к существованию. А парнишка славный: и собой хорош, и работа у него в руках спорится, и в животине, видать, души не чает.

Уверившись, что кусты скрыли его полностью, Кадфаэль оглянулся и увидел, как юноша подошел к девушке и они робко замерли, не касаясь друг друга. Больше он назад не смотрел.

«Что мне сейчас на самом деле нужно, – размышлял монах, возвращаясь назад, к гвентинской церкви, – так это добрый собутыльник – такой, чтобы знал в приходе всех и каждого и был бы не прочь поговорить по душам. Веселая компания да хорошая выпивка были бы в самый раз».

Глава третья

В тот же вечер, когда Кадфаэль в сумерках провожал брата Джона в усадьбу кузнеца, которая находилась у самой кромки полей, ему удалось раздобыть не одного, а целых трех собутыльников. К тому времени приор Роберт и брат Ричард уже отправились почивать в хижину отца Хью, а брат Жером с братом Колумбанусом брели по лесу к угодьям Кэдваллона, и Кадфаэль был совершенно свободен – некому было проверить, завалился он на боковую на сеновале отца Хью или загулял допоздна, радуясь случаю почесать языком да послушать гвистеринские сплетни. Вечерок выдался славный, сна у него не было ни в одном глазу, благо никто и не собирался тормошить его ни свет ни заря, чтобы идти к заутрене. Брату Джону не терпелось познакомиться друга с Бенедом и его домашними, и отец Хью по своим соображениям одобрил эту затею. Он полагал, что не помешало бы кому-нибудь кроме него самого потолковать с прихожанами перед завтрашним сходом, ну а кузнец есть кузнец – он где угодно человек не последний, и его слово имеет немалый вес.

На лавке у ворот усадьбы Бенед сидели трое и оживленно беседовали, то и дело пуская по кругу баклагу с медовым напитком. Заслышав шаги приближавшихся чужаков, они все как один насторожились и смолкли. Правда, брата Джона они мигом признали, да и, похоже, уже считали почти своим, а Кадфаэль с ходу поздоровался с ними по-валлийски и этим сразу растопил ледок недоверия – его приняли радушно и не с той сдержанной вежливостью, на которую мог бы рассчитывать англичанин. Аннест, та самая, чьи каштановые косы так и блестели на солнышке, успела повсюду разнести слух о том, что он родом из Уэльса. Живо приволокли еще одну лавку и вновь пустили по кругу добрый медок, только что круг стал малость пошире. Сумерки сгущались, и темнота постепенно скрывала зелень леса и лугов, нанизанных на серебристую нить реки.

Сам Бенед, хозяин дома, был плотным, широкоплечим и загорелым бородачом средних лет. Одного из его собутыльников Кадфаэль узнал сразу – это был тот самый пахарь, которого он видел у реки. «Походи-ка эдак денек за плугом, – подумал монах, – небось у всякого в глотке пересохнет». Третий, с седыми волосами и длинной, аккуратно подстриженной бородой, выглядел постарше остальных. У него были сильные красивые руки, а его просторное домо-тканое платье, пожалуй, знавало лучшие времена, а то и другого хозяина. Впрочем, держался он как человек, знающий себе цену, и собеседники обращались к нему с уважением.

– Это Падриг, – представил его Бенед, – прекрасный поэт и арфист. Нынче он, на радость всему Гвистерину, гостит в доме Ризиарта – это на лесной прогалине, за усадьбой Кэдваллона. У Ризиарта самые богатые уголья в наших краях, он владеет землей по обоим берегам реки. У нас ведь мало кто держит у себя арфу, и странствующий бард, такой как Падриг, не ко всякому пожалует. Правда, у меня маленькая арфа есть, и я этим горжусь. А та, что у Ризиарта, тоже не лежит без дела – слышал я, как наигрывает на ней его дочка.

– Девица все равно не может быть бардом, – с легким пренебрежением заметил Падриг, – хотя должен признать, что арфу она бережет, да и настраивать умеет. А вот отец ее – тот настоящий покровитель искусств, щедрый и великодушный. Никто не слышал, чтобы хоть один бард был разочарован тем, как приняли его в доме Ризиарта, и всякого непременно уговаривали остаться. Очень хороший дом!

– А это Кай, пахарь из имения Ризиарта. Ты, поди, видал, как его упряжка целину поднимала, когда вы сегодня переваливали через кряж?

– Да уж приметил – работа отменная, любо-дорого посмотреть, – от души признал Кадфаэль. – Отличная у тебя упряжка, да и тот парень, что быков подзывает, очень хорош.

– Другого такого не сыщешь, – без колебаний заявил Кай. – С хорошими-то мне и прежде доводилось работать, но никто не умел так обходиться с животной, как Энгелард. Быки к нему

так и льнут. Всякое дело у него спорится: надо – и скотину подлечит, и роды примет. Ризиарт много бы потерял, кабы его лишился. А потрудились мы сегодня и впрямь на славу.

– Ты, должно быть, слышал, – сказал Кадфаэль, – что завтра, сразу после мессы, отец Хью собирает в церкви сход свободных общинников – послушать нашего приора. Надо полагать, я увижу там и Ризиарта.

– И увидишь, и услышишь – это уж точно, – с ухмылкой откликнулся Кай. – У него, знаешь ли, что на уме, то и на языке. Он человек откровенный, душа нараспашку, может вспылить, но отходчив, независтлив и незлобив, но коли уж втемяшит что в голову, с места его не сдвинешь – прямо-таки гора Сноудон.

– Ну, ежели человек считает себя правым и твердо стоит на своем, ничего худого в этом нет. За это его можно только уважать. Выходит, его сыновья вовсе не интересуются музыкой, раз сестренка играет на арфе?

– Так ведь нет у него сыновей, – отозвался Бенед. – Жена его умерла, а о том, чтобы жениться во второй раз, он и слышать не хочет. Вот и получается, что дочка – единственная наследница.

– Надо же! Неужто во всем роду мужчин не осталось? Нечасто случается дочерям наследовать землю.

– Никого не осталось. Единственный близкий родственник – это брат его покойной жены, да только тот уж стар и ни на что не претендует. А Сионед – самая завидная невеста в долине, парни вокруг нее так и вьются. И коли будет на то Божья воля, она выйдет замуж и родит сына задолго до того, как Ризиарт отойдет к праотцам.

– Обзавестись внучком, ежели зять человек достойный, – лучшего и желать не приходится, – заметил Падриг и, опустошив баклагу с медовым напитком, пустил рог по кругу. – И вот еще что – ты только пойми меня правильно – я ведь не гвитеринец и не вправе вмешиваться в ваши споры. Но зато я могу от имени своих друзей сказать то, чего они сами, наверное, не скажут. Понятно, что у тебя есть долг по отношению к вашему приору, точно так же, как у Кая – по отношению к его хозяину, а у меня – к моему искусству и моим покровителям, но все же не советую искать легких путей, и не обессудьте, если не все выйдет по-вашему. Против тебя я ничего не имею, но учти, что свободные люди в Уэльсе привыкли называть вещи своими именами и, если видят, что с ними обходятся несправедливо, таить этого не станут.

– И слава Богу, что не станут, – отозвался Кадфаэль. – Сам-то я, со своей стороны, больше всего хочу, чтобы дело это поскорее закончилось миром – чтобы никому не было обидно. А кстати, кто еще из уважаемых людей придет на завтрашний сход? Про Кэдваллона я уже слышал, двое наших братьев остановились в его доме. Кажется, его земли по соседству с угодьями Ризиарта?

– Верно, у него превосходный надел, выше по склону, через лес, за усадьбой Ризиарта, – ответил Бенед. – Их земли граничат, они близкие соседи, да и друзья с детства. Кэдваллон – человек миролюбивый, больше всего на свете любит домашний уют, да еще, пожалуй, охоту. Кто-кто, а уж он-то не стал бы спорить с тем, что одобрили принц да епископ, но только у него в обычае во всем поддакивать Ризиарту. Что же до этого дела, – признался Бенед, наклоня рог и выцеживая последнюю каплю, – то я не больше тебя знаю, что они будут говорить на сходе. Сдается мне, они признают то, что вам были явлены знамения, и согласятся на вашу просьбу. Ну а ежели сход свободных общинников склонится на сторону вашего приора, стало быть, святая Уинифред отправится с вами – на том и делу конец.

Бочонок с медовым напитком опустел, во всяком случае, на этот вечер.

– Может, заночуешь у меня? – предложил Бенед Падригу, когда гости поднялись, собираясь расходиться по домам. – Поиграл бы малость на моей арфе, недаром ведь я ее держу.

– Что ж, я не против, коли ты приглашаешь, – согласился Падриг и, слегка покачиваясь, двинулся в дом следом за хозяином.

А Кай с братом Кадфаэлем, распрощавшись с остальными, по-приятельски, плечом к плечу, отправились по дороге к дому отца Хью, но, когда пришли туда, Кадфаэль решил немного проводить пахаря и прошел с ним еще полпути до усадьбы Ризиарта.

– Знаешь, брат, – доверительно признался Кай, – я ведь не все тебе сказал там, у Бенед. Неловко как-то было, опять же Падриг хоть и славный малый – оба они отличные ребята, – но все же не здешний, приезжий. Так вот, эта Сионед, Ризиартова дочка... По правде сказать, Бенед и сам не прочь ухлестнуть за ней. Что и говорить, человек он достойный, солидный, вроде бы и неплохой для нее жених. Да только он, бедняга, вдовец и намного ее старше. Наверяд ли у него что-нибудь выйдет. Жаль, ты девчонку не видел!

К тому времени брат Кадфаэль уже начал подозревать, что девчонку-то эту он как раз видел, причем углядел куда больше, чем предназначалось для посторонних глаз. Впрочем, об этом монах предпочел не распространяться.

– А уж девчонка-то егоза – ну ровно белка, – расписывал Кай, – такая ладная да шустрая – черненькая, с эдакой, знаешь ли, рыжинкой. И не будь у нее никакого приданого, женихи все одно стекались бы к ней со всей округи. Пожелай она заполучить в мужа любого богатея – ей стоит только пальцем поманить. Ну а Бенед – что ж, молчит, бирюк бирюком, однако надежды не теряет. Конечно, кузнец – спору нет – человек уважаемый, и надо отдать ему должное: он ведь не за приданным ее охотится. Ему сама девушка нужна – ну да чтобы это понять, надо ее увидеть. Да только все без толку, – порывисто вздохнул Кай, сочувствуя другу, – потому как Ризиарт давно уж присмотрел себе зятя. Это сынок Кэдваллона. Парнишка, можно сказать, вырос в усадьбе Ризиарта – сызмальства возился там с его слугами, ястребами да лошадьми. И девчонку он с детства знает – вместе играли. А главное – земли-то по соседству, и он единственный наследник – чего еще желать отцу для своей дочки! У Ризиарта с Кэдваллоном давно все обговорено. Да и детишки, кажись, подходят друг другу – уж во всяком случае знают они друг дружку точно брат и сестра.

– Ну, положим, это еще не значит, что они подходят друг другу, – напрямик возразил Кадфаэль.

– Похоже, что и Сионед так же думает, – сухо заметил Кай. – Как бы там ни было, никак не дает окрутить себя с этим парнем, хоть отец и настаивает. А парнишка-то неплохой, пригожий, правда, балованный – как-никак единственное чадо. Все девчонки в округе от него без ума, все, кроме Сионед. И не то чтобы он был ей противен, нет, она хорошо к нему относится – но и только. Строит из себя невинное дитя, а потому и слышать не хочет о замужестве.

– Ну а что Ризиарт? Как он сносит ее непокорность?

– Да ведь ты ж его вовсе не знаешь! Он в ней души не чаёт, и она его почитает – а как же иначе! – но все одно от своего не отступится. Нет, он ее неволить не станет. Другое дело, что не упустит случая похвалить Передара и намекнуть, что он для нее самая подходящая пара, – ну так ведь она этого и не отрицает. Вот Ризиарт и надеется, что со временем она образумится и согласится.

– Думаешь, так оно и будет? – вкрадчиво спросил брат Кадфаэль, уловив, что пахарь что-то недоговаривает.

– Да разве разберешься, что творится в голове у молоденькой девицы. Сионед – девушка решительная, смышленная и самостоятельная, ждет, наверное, когда сумеет поставить на своем, откуда нам знать... чужая душа – потемки.

– Может, кто и знает, – словно бы невзначай обронил Кадфаэль.

Если бы Кай не клюнул на эту приманку, монах не стал бы больше любопытствовать. Зачем ему лезть в девичьи секреты, и так уж он, по случайности, узнал больше, чем надо. Но когда в ответ Кай со значением пожал ему руку и легонько толкнул локтем в бок, Кадфаэль вовсе не удивился. Еще бы, ведь пахарь работал с тем парнем, что подзывал быков, и, надо думать, успел кое-что приметить. И то сказать, ежели парень, едва закончив работу, очертя

голову спешит через реку к приметному дубу на поляне, человек сообразительный живо смекнет, в чем тут дело. Но будет держать язык за зубами, потому что небось симпатизирует Энгеларду.

– Брат Кадфаэль, ты вроде не из болтливых, к тому же ты нездешний, и наши раздоры тебя не касаются – так почему бы мне тебе и не рассказать... Между нами говоря, приглянулся ей один паренек. Да он и сам в нее влюбился, еще почище, чем Бенед. Только вот шансов заполучить ее у него еще меньше. Помнишь, мы говорили про Энгеларда, того парня, что со мной работает? По части скотины равных ему нет, такой работник для хозяина находка – Ризиарт знает это и ценит. Но вот беда – парень этот – аллтуд, чужеземец!

– Сакс? – спросил Кадфаэль.

– Ну да, белобрысый такой – ты сам видел его сегодня – парень высокий, стройный. Он родом из Чешира, недалеко от Мэлора, а здесь в бегах – скрывается от бейлифа¹ графа Ранульфа Честерского. Только ты не подумай, что из-за убийства или разбоя – ничего подобного. Просто в тамошнем графстве он прослыл знаменитым браконьером. Парень – большой мастер стрелять из короткого лука, вот он и взял в обычай постреливать графских оленей – охотился все больше пешком и в одиночку. Ну а бейлиф стал его преследовать, да так загнал, что у молодца не осталось другого выхода, кроме как бежать в Гуинедд. Ты ведь знаешь – в Англии за жизнь оленя человек своей может ответить. Так вот, вернуться назад он пока не решается, а каково чужеземцу жить в Уэльсе, ты сам понимаешь.

Это Кадфаэль и впрямь понимал. Известно, что каждый валлиец занимает строго определенное место в родовом клане и каждому полагается надел земли. Все свободные люди – от знатного лорда до бедного поселянина – как бы члены единой семьи. Иное дело чужак, человек со стороны, у которого нет, да и быть не может ни родных, ни земли. Чтобы сыскать себе пропитание, чужеземцу нужно найти себе местного покровителя, который предоставил бы ему участок земли и нанял его на работу. В течение трех поколений такое соглашение может быть расторгнуто в любое время, а чужеземец волен идти куда угодно, однако обязан отдать половину своего имущества владельцу земли, ибо тот дал ему средства это имущество нажить.

– Я знаю этот обычай. Стало быть, Ризиарт принял этого молодого человека на службу и выделил ему участок земли?

– Именно так. Было это два года тому назад, а может, малость побольше. И пока ни один из них об этом не пожалел. Ризиарт – хозяин справедливый и оказывает уважение тому, кто его достоин. Но как бы он ни уважал и ни ценил Энгеларда, можешь ты себе представить, чтобы состоятельный валлиец позволил своей единственной дочери выйти замуж за аллтуда?

– Ни за что на свете! – согласился Кадфаэль. – Это было бы против всех обычаев и законов. Его собственная родня никогда бы ему такого не простила.

– Это верно, как Бог свят! – уныло вздохнул Кай. – Но ты попробуй втолковать это Энгеларду. Парень-то упрям, к тому же он и сам из хорошей семьи – отец его в Чешире владеет богатым манором² и, на свой английский лад, занимает такое же положение, как Ризиарт здесь.

– Да неужто парень просил у отца ее руки? – поразился Кадфаэль.

– Просил и, ясное дело, получил такой ответ, какого и можно было ожидать. Безо всякой злобы, но и без малейшей надежды. Да только от Энгеларда так просто не отделаться – он настаивал, спорил, да и сейчас норовит при каждом удобном случае вернуться к тому разговору и напомнить Ризиарту, что он не отступился от Сионед и никогда не отступится. Я тебе так скажу: оба они друг другу под стать – вспыльчивые, горячие, но честные и прямые, других таких поискать надо. И оба очень уважают друг друга, только потому и не рассорились окончательно. Правда, всякий раз, когда речь заходит о Сионед, такое начинается! Ризиарт как-то

¹ Бейлиф – помощник шерифа.

² Манор – феодальная вотчина.

даже вlepил Энгеларду затрещину, когда тот особо наседал, а парень чуть было не дал ему сдачи. Что бы тогда было, представить трудно. Никогда не слышал, чтобы такое сделал аллтуд, а вот рабу отрубают руку, если он поднимает ее на свободного человека. Но как бы то ни было, Энгелард вовремя опомнился, и вовсе не из-за страха – просто сам понял, что был не прав. Да и Ризиарт, не прошло и получаса, поостыл и сам попросил прощения. Сказал, что хоть Энгелард и нахальный чужеземец, который сук не по себе рубит, но и он, Ризиарт, не должен был рукам волю давать. Так у них это и тянется – между собой спорят, но вздумай кто сказать дурное слово о Ризиарте, Энгелард живо кулаком его обратно в глотку вобьет. А ежели кто из слуг Ризиарта, желая подольститься к хозяину, скажет худое об Энгеларде, тот непременно ответит, что аллтуд – человек честный, работающий и стоит десятка таких бездельников, как этот слуга. Такие, брат, дела! И я, признаться, не очень-то надеюсь на хороший конец.

– Ну а девушка? – спросил Кадфаэль. – Она-то что на все это говорит?

– Да больше помалкивает и уж, во всяком случае, шума не поднимает. Может, поначалу она и упрашивала, и спорила – кто знает. А сейчас она выжидает и по мере сил старается, чтобы хоть стычек между ними не было.

«И встречается со своим возлюбленным у дуба, – подумал Кадфаэль, – или в каких других укромных местечках – мало ли куда Энгеларда работа забросит. Так вот, стало быть, как она выучилась английскому языку. Небось и юный сакс благодаря ей поднаторел в валлийском. Теперь понятно, чего она испугалась, – ей-то просто хотелось поболтать по-английски с незнакомым монахом, а как узнала, что тот и по-валлийски кумекает, переполошилась: вдруг он проболтается ненароком. Она-то ведь выжидала, удерживала отца и возлюбленного от ссор, а потому не хотела, чтобы поползли слухи о том, что она так часто видится с аллтудом наедине, что уже и языку его научилась. Да, тут, видно, нашла коса на камень – все готовы стоять на своем, и кто кого переупрямит – Бог весть».

– Вижу я, что у вас в Гвителине и без нас своих забот хватает, – заметил Кадфаэль Каю при расставании.

– Господь все расставит по своим местам, дай только время, – философски ответил тот и скрылся в темноте.

А Кадфаэля, когда он возвращался по лесной тропинке к дому отца Хью, не оставляло чувство, что Господь, похоже, склонен помогать тем, кто и сам себе малость помогает, или уж, на худой конец, другим не вставляет палки в колеса.

На следующий день к мессе явились все свободные общинники Гвителины с женщинами и дворней. Нечасто у церквушки отца Хью собиралось столько народу. По мере того как подходили наиболее влиятельные гвителинцы, священник тихонько называл их брату Кадфаэлю.

– А вот и Ризиарт со своей дочерью, управляющим и дочкиной служанкой.

Ризиарт был крупным, прямодушным на вид человеком лет пятидесяти, румяным, темноволосым, с короткой седой бородой и резкими чертами лица, выдававшими горячую и страстную натуру, – такой человек легко может вспылить, но не станет таить камень за пазухой. Двигался он легко и стремительно, на приветствия отвечал любезной улыбкой. Платье его почти не отличалось от одежды других пришедших в церковь общинников: такой же простой покроем, разве что материя получше – добротная домотканая шерсть. Судя по его доброжелательному лицу, Ризиарт пришел на сход без предубеждения, желая выслушать все доводы «за» и «против». Хотя дома у него и не все ладилось, он выглядел человеком счастливым, который, вне всякого сомнения, гордится своей дочерью и любит ее.

Скромно опустив голову и потупив очи, девушка следовала за ним по пятам. По случаю схода она надела туфли, волосы ее были аккуратно причесаны, уложены на затылке и убраны под льняной чепец. Но ошибиться было нельзя – это она, постреленок с высокого дуба и в то же время богатейшая наследница и самая желанная невеста в округе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.